

Ф.М.Достоевский как предтеча евразийской литературы
Бахтин, многоголосие, евразийский менталитет

Полтора десятилетия нового XXI века четко выявили характерный для его научной гуманитарной парадигмы интерес исследователей к постижению того уровня ментальности, который выходит за пределы границ – этнических, географических, религиозно-культурных – и присущ новому типу отношений между людьми. Осознание этого факта является определяющим для взявших особый темп исследований, связанных с поиском евразийских оснований в русской и литературе народов России.

Актуальность такого рода исследований определяется многими факторами, важнейшим из которых, бесспорно, является то обстоятельство, что проблема осознания места России в системе экономических, политических и духовных отношений Востока и Запада и по сей день вызывает острые дебаты, о чем со всей очевидностью свидетельствуют ныне переживаемые мировым сообществом кризисные времена. «Положения евразийцев, – справедливо полагает А.Кукуева, – оказываются весьма созвучными исканиям современных идеологов и политиков в связи с поиском новой стратегии решения межнациональных противоречий» [Кукуева 2015: 34].

При этом совершенно четко фиксируется интенция следовать в русле синкретической в своей природе аналитической парадигме, не познания, а – в аверинцевском толковании – понимания «Другого», что и обеспечивает столь гениально описанное М.М.Бахтиным многоголосие творчества Достоевского, которое выводится нами и нашими единомышленниками в качестве важнейшего основания евразийской поэтики.

Сразу же подчеркнем, что наша литературоведческая саморефлексия «геокультурно обусловлена». Просим под этим не понимать геокультурный буквализм, свойственный до сих пор еще многим работам наших коллег.

Имеется в виду стремление высветить свою собственную позицию, дать свое определение русскому литературоцентризму, императиву единства жизни и творчества, профессии литературоведа и специализации русиста с точки зрения человека, живущего в регионе очень интенсивной межкультурной коммуникации.

Только отметим, что это очень важный признак антропологической парадигмы, свидетельствующий о возрастании роли субъекта научного исследования. Данное обстоятельство сегодня приобретает особую злободневность, так как (что греха таить!) на многих кафедрах вузов по-прежнему затребован преподаватель/профессор/научный руководитель, исправно исполняющий роль толкователя литературного канона, истрепанных национальных и цивилизационных смыслов.

Мы, к сожалению, все время пытаемся говорить о территориях, как это делает наш однокурсник по филологическому факультету МГУ имени М.В.Ломоносова В.Л.Цымбурский в своей оценке евразийства, которое он рассматривает чисто в территориальной парадигме, как «базу для наступления на Запад». Возможно, на каких-то этапах, скажем, после Версаля, геополитические обстоятельства плюс нечуждое нам пристрастие к чрезвычайно рациональным стереотипам и способствовали такому восприятию данного учения, но диссертант предлагает сконцентрировать внимание коллег на иррациональной ситуации в историко-культурном анализе евразийства. То есть пришло время говорить о сознании с позиций феноменологической критики. За это надо нам вести борьбу, а не территорию. За этим своеобразным «пространством Лобачевского», которое ныне столь успешно осваивается теми же «питерскими фундаменталистами», явно проглядывается мощное конверсионное

сознание, к которому в схожей ситуации столь эффективно апеллирует, скажем, тот же Эрдогандан, чуть. которого в отношении реакции народа на его действия просто можно позавидовать.

Вынужденно коротко о методологической базе. Как известно, объект, будучи вещью в себе, благодаря использованию субъектом процедуры концептуализации предоставляет в предмете знание о себе, или референцию, которую можно определить как меняющиеся представления о герое и его поступке. Такой ракурс исследования, думается, предвещает его грядущую новизну, равно как и собственно апелляция к филологическому (литературно-критическому) методу анализа И.А.Ильина, что, естественно, совсем не исключает и обращение к междисциплинарному дискурсу – синтезу литературоведческого анализа и социологии культуры, обеспечившему специфику «языка описания» в упомянутой процедуре концептуализации.

К главным проблемным узлам современного евразийства мы относим истоки и структуру менталитета, взаимосвязь евразийства с менталитетом россиян и «русской идеей», а также вопрос о существовании единой ментальности для всех российских этносов. Мы глубоко убеждены, что органическая и устойчивая общность разных расово-этнических групп в России предопределила и один общий для них менталитет.

Этот менталитет и породил идею-мечту евразийцев о «симфонической личности», отрицающей радикальный индивидуализм западного человека, но одновременно, как в случае с Достоевским, не воспринимающий и «светский коллективизм», осмеянный писателем в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Выявлены, описаны и прокомментированы и другие точки соприкосновения Достоевского и евразийцев: отношение закона и веры, принципы идеократического государства и пр.

В нашем представлении Евразия особая субстанция, уникальный универсум, вместилище еще не познанной до конца «силы-энергии» (П.Флоренский), из которого возрастает не только творчество Достоевского, но и огромной когорты писателей, близких ему по комплексу мифологем, создающих в культуре устойчивую репутацию места; по совокупности элементов, включающей концепцию литературно-мифологического архетипа и формирующей свой собственный художественно-философский «код», который и определяет её, евразийской матрицы, своеобразие; по сети тематических, мотивных, образных констант, обладающей глубокой внутренней логикой.

Нам особенно ценным представляется нетривиальный подход к некоторым константам бахтинского учения, который демонстрируют дагестанские ученые. Как известно, открытый Бахтиным полифонизм романов Достоевского современный дагестанский литературовед З.Н.Акавов, несколько перефразировав, определяет не только «стартовым выражением ... ключевой концепции творчества писателя в евразийском историософском контексте» [Акавов 2011: 4], но и прямо указывает на его (полифонизма) евразийские истоки во многих произведениях писателя. Рожденный из множественности самостоятельных и неслияных голосов и сознаний, полифонизм, по Бахтину, становится эстетическим фундаментом новой художественной модели мира, обнаруживая при этом, согласно трактовке современного исследователя, свою взаимосвязь и релевантность уникальному полиэтническому, поликонфессиональному и поликультурному конгломерату, который и представляет собой Россия.

Апеллируя к Бахтину, Акавов ссылается на свой собственный профессиональный литературоведческий опыт «осмысления истории мировой литературы в системе евразийской, многополярной и паритетной, в плане исторического развития этносов ... идентичности и ментальности» (Указ. соч. С.5).

Концепция евразийства в различных парадигмах, роль его предшественника Достоевского, теория полифонии М.М.Бахтина в контексте евразийских концепций творчества этого писателя, значение витальных образов в системе евразийской

культурно-исторической парадигмы литературы, метафизика Евразии, очерченная в работах П.Савицкого, могут быть эффективно освещены в духе междисциплинарных исследований.

И в конце о главном, на наш взгляд, мотиве евразийской поэтики – наличии двух культур, возникших на просторах российской империи после Петра. Хотя это одновременно создает проблему презентации в парадигме формального анализа, где, возможно, даже это самое столкновение культур увидеть на уровне приема, в тексте, даже на уровне языковом как два стиля речи.

Литература

Акавов З.Н. Достоевский и евразийство / З.Н.Акавов // Литературное обозрение: классика и современность. – 2011. – №1. – С.3-6.

Кукуева А.А. Н.С.Трубецкой как основоположник евразийского литературоведения / А.А.Кукуева // Литературное обозрение: история и современность. Ежегодный научный журнал. – 2015. – №5. – С.33-35.